

Баба-яга КОСТЯНАЯ РУКА

Ольга Брюс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Брюс

Баба-яга костяная рука

«Автор»

2022

Брюс О.

Баба-яга костяная рука / О. Брюс — «Автор», 2022

Надя родилась инвалидом. Её ярко выраженный недуг бросался в глаза, от чего дети смеялись над ней, а некоторые взрослые пугались, морща нос и отворачиваясь от неполноценной девочки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Брюс

Баба-яга костяная рука

Глава 1

Появление Нади стало неожиданностью для тридцатипятилетних Олега и Ниночки. У них уже есть старшая дочь, которой недавно исполнилось семь. Второго ребёнка не планировали. Но судьба распорядилась иначе.

– В такое смутное время рожать... – Олег пришёл домой, отработав вторую смену подряд и свалился с ног от усталости. – С деньгами и так туго, а тут ещё один ребёнок.

Усаживаясь за стол, мужчина обвёл голодным взглядом скудный ужин, состоящий из пустых макарон и отварного куса столетней тощей курицы, обменянной на вязанную кофточку. Взял вилку, воткнул острыми краями в посиневшее бёдрышко и с жалостью посмотрел на исхудавшую жену. – Ты сама-то ела?

– Ела-ела, – Ниночка в скорости вытирала стол и готовилась принять душ.

– И какое решение ты приняла? – Олег держал вилку с курицей на весу и пристально рассматривал пока ещё тонкую талию жены. – Платить, наверно, надо?

– Не надо, – бросив тряпку на край жестяной раковины, Нина повернулась всем телом и прислонилась поясницей к разделочному столу. Пристально посмотрев на мужа, скрестила руки на груди. – Олежка, я уже всё решила. Будем жить вчетвером...

– Сдурела, – разочарованно выдохнул муж и бросил вилку в тарелку. Несколько макаронин от удара синюшной курицей вылетели из массового липкого сборища и плюхнулись: одни на потрескавшуюся от ножевых ран столешницу, а другие – на изношенный, потёртый линолеум.

– В голове не укладывается! – закричал Олег, подпрыгнув на стуле. – Ты только о себе и думаешь! Так-то у нас ещё и Юлька есть! Жрать по твоей милости мы что будем? Как не приду домой – одни макароны. Самые дешёвые! Я на них уже смотреть не могу! Эта слипшаяся гадость у меня в желудке комом стоит! Сегодня на заводе чуть не сдох, когда всё внутри скрутило!

– Олежка, подожди, не кричи, – Нина выставила перед собой руку, чтобы муж успокоился. Выдвинула стул из-под стола, села и заговорила ласковым голосом. – Какая разница, одним больше, одним меньше. У людей и пять детей имеется. Живут же как-то.

– Не живут, а выживают, – заёрничал Олег, разглядывая кусок курицы, – нас тоже на голодовку обречь хочешь? Раньше я мог в заводской столовке пожрать, а теперь она на платной основе. Хочешь плати, не хочешь сдыхай с голоду.

– Я тебя понимаю, но и ты пойми. Нельзя избавляться от живого человечка. Мы же не будем жить вечно впроголодь. Когда-нибудь эти времена закончатся.

– Ха! Насмешила, – Олег упёрся спиной в стену и нервно закинул ногу на ногу. – И ты в это веришь? Видела, что в стране творится? Перестройка! Не слышала? Сейчас жируют только олигархи, а простые люди никому не нужны! Вот ты со своим образованием бухгалтера попала под сокращение и тебе даже компенсацию не выплатили. И у нас, поговаривают, завод скоро закроют. Вот такие, у кого карман оттягивается. И куда я по-твоему должен идти? Дворником? Вот вам всем! – выставив дулю в лицо жены, Олег скривил рожу. – Вот! – подсунул прямо под нос. – Сейчас, уже побежал! – вернулся в исходное положение. – Так хоть втроём переберёмся, а ты и ещё одного спиногрыза подкинуть хочешь. Слушай, Нин, если ты не сделаешь аборт, тогда я... я...

– Что? Бросишь нас с Юлечкой? – глаза обиженной Нины оказались на мокром месте.

– Дай пожрать спокойно, – насупившись, мужчина взял вилку и начал жадно сгрызать сухое жилистое мясо с кости.

Со временем Олег смирился и настроился на рождение второго малыша. Рассказав коллегам по цеху о щепетильном положении жены, он выслушал слова поздравления и одобрения от мужиков, которые имели больше двух детей. Но в коллективе нашлись и те, кто осудил глупый поступок: рожать в такое тяжёлое время. Чем ближе срок, тем радостнее становилось на душе. Олег находился в радужных иллюзиях, что у него со дня на день родится сын, который станет продолжателем рода.

– Будем на рыбалку ездить, в походы ходить... – мечтательно говорил он соседу Пашке, выкуривая сигарету на лестничной площадке. – А когда подрастёт, отдам его в секцию единоборств. Будет, как настоящий ниндзя.

– Угу, кирпичи ломать и стены плечом прошибать, – поддакивал Павел, шурясь на Олега и скрывая недовольства по отношению к ещё не родившему пацану.

У Павла не было детей, впрочем, как и жены. Он пользовался бабским телом одноразово, потому что сильно боялся нудной бытовухи и долгосрочной ответственности. Живёшь себе один припеваючи, никто ночью не орёт под боком, и нет надобности стоять в очереди в молочную кухню.

– Оле-ег! – из квартиры Ягиных донёсся встревоженный крик Нины. – Начало-ось!

– Что началось? – Олег не придавал значения словам и сделал ещё одну затяжку. – О, чёрт! – внезапно в его отрешённую от проблем голову проникла ясная мысль. – Нинка рожает!

Воткнув окурки в банку, набитую таким же затхлыми бычками, он ринулся в квартиру, чтобы вызвать скорую и отправить жену в роддом.

Не находя себе места, Олег метался вокруг родильного дома, выкуривая одну папиросу за другой. Его руки дрожали, поднося дымящуюся гадость к лицу, правый глаз дёргался, а в душе пылал пожар.

– Ну, скоро они там? – бормоча себе под нос, он наворачивал круги, сгорбившись, как столетний старик, изредка останавливаясь, чтобы сплюнуть, высморкаться и закурить новую папироску, придающую сил, но не отвлекающую от дурных мыслей. – А вдруг что-то случится? – распереживавшись не на шутку, мужчина решил войти в здание, чтобы поинтересоваться состоянием жены. – Она ж Юльку еле родила. Так ей худо было.

Но Олега не пропустили дальше регистратуры. Грозного вида женщина, высунув голову из окошка, сурово предупредила о вызове главного врача, если психованный папаша не перестанет ломиться в основную часть здания. Плюхнувшись на банкетку, стоящую вдоль стены у входной двери, Олег взялся за голову и зажмурил глаза, мысленно посылая жене импульсы поддержки.

– Держись, милая. Я здесь. Я рядом.

Мышцы Олега были напряжены по всему телу, как струны его любимой гитары. Страх за Нину и боязнь потерять ребёнка обрушили на претерпевающего душевные смятения папашу шквал невыносимой тревоги, вызванной внезапными воспоминаниями о разговорах с коллегами, жёны которых недавно стали матерями с очень плачевными последствиями.

– Надо было раньше ложиться, а не ждать до последнего, – теперь уже Олег ругал жену за безответственность, позабыв, о чём только что скорбел, не дождавшись новостей. – Что за привычка наплеватьски относиться к своему здоровью? Ладно, о себе не думаешь, а сын? Он-то тут причём?

Полностью покрывшись потом, Олега почувствовал зуд под лопатками. Мало того, голову сдавило, и в ушах будто забились пробки.

– Давление, – сделав вывод, Олег поднялся, чтобы уйти на улицу и подышать свежим воздухом.

– Ягин здесь? – за спиной раздался женский молодой голос.

– Я, – силло ответил Олег и обернулся.

– Поздравляю. Девочка. Три сто, сорок восемь сантиметров. – девушка улыбнулась и скрылась за дверью кабинета.

– Ой-йо-о-о, – Олегу уже было всё равно, мальчик там родился или девочка. Если медсестра ничего, кроме роста и веса, не озвучила – значит, всё в порядке. – Слава богу, – прослезился он и упёрся плечом в стену, вытирая солёные капли счастья. – Обошлось.

Несколько дней Олег угощал рабочих выпивкой, которую взял в долг с условием вернуть деньги через месяц, и рассказывал о похудевшей жене, которую видел в окне роддома, о «приветливых медицинских работниках», не впускающих его навестить Ниночку из-за какого-то там карантина, и о старшей дочери, ожидающей возвращения новорожденной сестрёнки, чтобы побыстрее показать ей игрушки и поиграть в активные игры.

– А девчонку так и не показала? – усатый Григорич выпил стакан беленькой и занюхал мякишем чёрного хлеба. – Моя Клавка в окно тыкала Ирку, а та как заорёт, что аж на улице слышно было.

– Почему ж, показала. Вот только лица я не видел. Солнечный свет так в стекло фигачил, что я сам чуть не ослеп.

– Ну что, – второй мужик в очках и рабочей форме, заляпанной мазутом, протянул наполненный стакан, предложив продолжить обмывать крохотные ножки, – чтобы здоровенькой росла.

– Согласен. – радостно поддакнул Олег, стукнувшись стаканом о стаканы коллег.

Настал торжественный день, пора забирать жену и дочку. Утром, когда Олег ещё спал после ночной смены, к нему приехала мать, чтобы вместе съездить за Ниной и ребёнком.

– А перегарищем-то как несёт. – Татьяна Дмитриевна, переступив порог квартиры, моментально учуяла застоявшийся омерзительный запах чего-то скисшего. – Всю неделю пил? А я-то думаю, почему на телефон никто не отвечает. Палец натёрла ваш номер набирать. А дочка где была, пока ты куролесил?

– Дома, – пожимая плечами, Олег в скорости собирал окурки с подоконника в кухне и выбрасывал их в форточку.

– Во сколько их выпишут? – Дмитриевна прошлась по комнатам и вошла в кухню, где и узрела срач в виде рассыпанного сигаретного пепла. – А это что такое? – округлив глаза, она скрестила руки на животе и сердито покачала головой. – Олежка, пока жена отсутствует, ты у нас в загул подался?

– Мам, думай, что говоришь. Даже если и хотел бы, с моей работой я могу только на лестничной площадке изменить.

– Тьфу, бессовестный. И как только язык поворачивается. Ладно, – присев на стул, женщина положила руки на столешницу и быстро осмотрелась, – вам бы ремонт не помешало сделать, а потом уже детей заводить. Я ж тебе ещё восемь лет назад сказала, чтобы не торопился. А теперь что? Обои пожелтели, потолок посерел. На полу не пойми что, как будто здесь крысы днюют и ночуют. Ты хоть не голодный? – умела Дмитриевна переключаться с одного на другое, чем и раздражала соседей и родственников. – А Юлька куда подевалась?

– Мам, в школе она.

– А-а.

– И я уже ел, – присев напротив, Олег энергично почёсывал за ухом и шумно выдыхал носом.

– И чем же у нас питается временный холостяк? – съязвила Татьяна, покосившись на холодильник, покрытый коричневыми каплями, судя по всему – пивными.

– Ну-у, та-ам.

– И там, и сям. Знаю я, как живут мужики, у которых жён дома подолгу не бывает.

– Мам, ты на что намекаешь?

– Знамо дело, на Гальку Орлиху. Ой, Олежка, – наклонившись вперёд, мать насупилась и покрутила пальцем у виска. – Она ж с головой не дружит. О ней все знают, что в мозгу просохло, а между ног – порядок. Ты бы не совался, куда тебя не просили. Не дай бог, прибежит Орлиха к Нинке – тебе несдобровать.

Олег на мгновение призадумался, зацепившись отрешённым взглядом за самую крупную царапину на столешнице, которую он сам и изобразил в прошлом году, показывая соседу, как надо владеть холодным оружием. Еле заметно несколько раз качнул торсом туда-сюда, кротко глянул в окно и, собравшись с мыслями, вытер рот всей пятернёй.

– Мне ещё кровать собирать. Мать, не отвлекай, – поднялся с выдохом и поплёлся в комнату, стучать молотком по старой детской мебели, которая когда-то принадлежала Юльке.

После обеда, встретив дочь из школы, Олег хотел купить цветы, как полагается в таких случаях, но вовремя передумал. И так весь в долгах, к чему на розочку тратить? Она простоит два дня максимум и отдаст концы. Лучше Юльке шоколадку купить. Всё ж радость ребёнку.

– И долго они там? – Татьяна Дмитриевна устала ждать невестку с внучкой. Она то прохаживалась вдоль стены, заложив руки за спину, то останавливалась перед сидящим на мягком стуле сыном, опустившим голову, косилась на Юльку, просматривающую стенд с приколотыми листами с важной информацией, то тяжело вздыхала и представляла, какие обои нужны в квартире Олега, чтобы освежить нагнетающую обстановку. – А ты завтра выходной или опять на смену? – поинтересовалась она, вспомнив о скором наступлении Нового года.

– На смену, – задумчиво кивнув головой, Олег заложил руки под мышки и выпрямил спину.

– Новый год у нас встречать не будете – это я уже поняла, а вот Юльку бы к нам привезти. Я ей подарок подготовила, а взять с собой забыла, – женщина присела, почувствовав ноющую боль в ступнях. – Витя привезти тоже не сможет. Не хочет ехать в такую даль. А я там конфеток немного положила, резиночки для волос, зайчика шоколадного...

– Да погоди ты со своим зайчиком, – неожиданно огрызнулся Олег, поднимаясь со стула. – Не до зайчиков мне сейчас.

Он отошёл к окну и аккуратно потыкал ногтем в стекло, как будто пытался успокоить себя из-за какой-то неразрешимой проблемы. Мать смотрела в спину поникшего сына и словно пыталась влезть в его голову, чтобы разобраться, о чём он сейчас думает, и какая такая причина его гложет. Видно же, что-то с Олежкой неладное творится. Стал сам не свой, когда только они вошли в родильный дом. А до приезда сюда, Олег был весьма весёлым, можно сказать, рассказывал о своём приятеле, который был в эту субботу на рыбалке и поймал довольно крупную щуку.

– Олег, – Татьяна решила узнать, что происходит с её сыном, и тихонько подошла сзади, – ты не заболел?

– Нет, мам, – нехотя ответил мужчина, продолжая ковырять пальцем не совсем чистое стекло.

– А что тогда? На работе что-то стряслось? – Дмитриевна начала волноваться.

Она знает своего младшенького, как облупленного. Он часто замыкался в себе, когда приходил из школы, и прятался в комнате, чтобы его не доставали вопросами. Но стоило немного надавить на нужные точки, и маленький Олежка сразу признавался, за что получил двойку, какой урок не выучил или с кем подрался. Теперь Олег взрослый, несговорчивый. Больше держит в себе, меньше рассказывает матери, не вдаётся в подробности, да что там говорить, на телефонные звонки и то редко отвечает. Трубку частенько поднимает Нина или Юлечка, и обе прикрывают Олега дурацкими фразами, лишь бы мать отстала. «Олег или спит в это время, или в ванной отлёживается», а Татьяна Дмитриевна делает вид, будто верит, но сама прекрасно знает, что сын терпеть не может отмывать в мыльной воде и никогда не спит вечером, даже если

он пришёл с ночной смены. Поспит часов пять, потом перед телевизором газетку почитает, а дальше идёт к соседу спорить о вечном или встречается с Григоричем в гаражах, чтобы там с железками поковыряться, ну и дерябнуть лишку для более ясного ума. Оно ведь как, дёрнешь граммулку, если починка осложнилась, кровь разгорячится, ударит в нужные извилины, и дело идёт, как по маслу.

– На заводе всё нормально, – отвернувшись, мужчина сжал челюсти. И мать увидела выступающие желваки на его скулах.

– Ты лучше сам скажи, что натворил. От людей узнавать больнее. Или про отца что выведал? Олечка, – просунув руку между локтем и поясом сына, мать заглянула в его печальные глаза и расстроилась, ощутив, как её сыну сейчас безумно плохо. – Ты Расскажи, а я с отцом так поговорю, так поговорю...

Неприятную беседу оборвал детский крик «Мама!», и Олег с Татьяной обернулись. Посреди холла стояла улыбчивая Нина и обнимала Юлю, повисшую на ней, а рядом, ожидая, пристроилась пожилая женщина в белом халате, на руках которой лежал спящий ребёнок, завернутый в толстое, ватное одеяло.

– Слава богу, наконец-то, – забыв о сыне, Дмитриевна поспешила к невестке.

Олег на мгновение задержался, чтобы встряхнуться перед встречей с женой и дочерью. Сейчас он не понимал, от долгой разлуки дрожат его колени или всё-таки из-за усталости, а может и от частых праздников, которые он устраивал со своими друзьями в честь новорожденной девочки, но идти надо, всё-таки семья – есть семья.

– Ты как-то похудел, – Нина заметила тёмные круги под глазами. – А чем от тебя так пахнет?

– Горло полоскал, – свекровь заступилась за безответственного сына, чтобы он не испортил такое важное событие. – И да, Олег, не забудь, – она забрала у медсестры ребёнка и отошла чуть подальше, – не целуй, иначе заразишь.

– Ты болен? – Нина вчера разговаривала с мужем, и он ничего не говорил о болезни. – Надеюсь, ничего серьёзного.

– Горло у него першит. Миндалины опухли, – кивнув на двойную дверь, Татьяна Дмитриевна повела семью к выходу. – Спиртовым раствором прополоскал, теперь должно пройти.

Получив в гардеробной верхнюю одежду, все оделись, укутались в тёплые шарфы, нацепили шапки и поехали домой, знакомить маленькую девчушку с домашней обстановкой. В такси было жутко холодно, из-за чего вспыльчивая Татьяна ругала молчаливого водителя и ёрзала на заднем сидении, чтобы не отморозить пятую точку и ноги, которые были в меховых бурках и толстых, шерстяных носках.

– Знала бы, в другую машину пересели, – вслух рассуждала она, чтобы водитель слышал. – Мы ребёнка застудим, а ещё хуже – мать. Если недавно родившую посадить на мороз, то дитё без молока останется, а мать подхватит менингит по вашей милости. Она ж сейчас очень уязвима. Ей покой нужен и ноги в тепле держать. Олег, слышишь, чтоб он заранее думал, не плати ему всю сумму. Пусть на своих ошибках учится.

– Мам, не надо, – уставившись в промёрзшее лобовое стекло, которое запотевало от тёплого дыхания пассажиров, он думал о завтрашнем дне, не сулившем ничего хорошего.

– Печка у него сломалась. А раньше сказать не мог? – продрогшая женщина прикрывала уголком одеяла личико девочки. – Сиди теперь тут и майся. У меня уже пальцы обледенели. Совсем не слушаются, – повернув голову набок, громко задала вопрос засыпающей внучке. – Юль, а ты как? Тоже к сидущке примерзаешь?

– Нет. Мне тепло, – Юля прислонилась к мягкому, меховому плечу мамы и прикрыла глаза.

– Тепло ей, – язвительно повторила бабушка, видя, что никто не хочет присоединиться к обвинениям безрукого водителя.

– Да тут ехать-то всего ничего, – ласково проговорила Нина, поглаживая старшую дочь по вязаной шапочке. – И опомнится не успеем.

– Не успеет она, – вновь повторила Татьяна с яростью в голосе, зыркнув на невестку. – Опомнишься, когда поздно будет.

С горем пополам доехали до девятиэтажного дома. Машина свернула в арку и заглохла, прямо под каменной крышей. Наслушавшись осуждающих реплик в адрес водителя, семейство выдохнуло с облегчением. Но своенравная бабушка не спешила выходить. Представив, что сейчас придётся пробираться по рыхлым сугробам к подъезду, она подняла нос кверху и сердито так выдала:

– Выходи и толкай.

Таксист вместе с Олегом обернулись, не понимая, кому брошена резкая фраза.

– Чего уставились? – Татьяна перевела взгляд с недоумевающего сына на опешившего водителя. – Машина наша, что ли? Вот пусть он и выходит, а мы будем ждать.

– Ну бабка, ты даё-ё-ёшь! – гомерический хохот водителя разлился под крышей мёрзлого авто. – Тебе дойти пять метров, а мне потом вырливай.

– Не тыкай, не дорос, – щёлкнув холодную ручку дверцы, Татьяна выставила на снег ноги. – Мамке своей тыкать будешь. – кряхтя, она вылезла наружу и тут же сунула голову обратно. – Если ещё раз ты мне попадешься, пеняй на себя. – Пригрозив, она двинулась к подъезду мелкими шажками.

– Ну она у вас и бойкая, – смех, как рукой сняло, и на лице шофёра застыла виноватая улыбка.

– Спасибо, – Олег передал деньги за проезд и последовал за матерью.

Та стояла у железной двери и с величавым видом ожидала кого-нибудь, чтобы ей открыли.

– Почему Нине не помог? – с укоризной смотрела на сына, поднимающегося по ступенькам. – Ты какой-то другой стал. Я тебя не узнаю. Раньше ручку ей подавал, как джентльмен. А теперь...

– Спать хочу, – Олег открыл домофон и запустил мать с дочкой в подъезд.

– Вот сейчас придём, на нашу Наденьку посмотрим, – приблизившись к лифту, Татьяна высматривала невестку с Юлей. – А потом чайку попью. Олег, жми кнопку.

– Не видишь, объявление висит, – показав рукой на листок, приклеенный скотчем к раздвижной двери лифта, Олег направился к лестнице.

– Задолбали, – буркнула Дмитриевна, прикинув, как ей будет тяжело подниматься на третий этаж с малышкой. – В нашем районе тоже часто ломают, а делать некому.

Дождавшись Нину, она передала ей девочку и, схватив за руку Юлю, повела женский коллектив вверх по лестнице. Нине пришлось обогнать нерасторопную свекровь, потому что дочка заплакала, оповестив соседей о своём прибытии. А Юля осталась помогать бабушке, которая страдала больными ногами, и подъём ей давался с невыносимым трудом. И вот, препятствие пройдено. Татьяна Дмитриевна, задыхаясь и охая, переступила порог квартиры.

– Дайте посмотреть! – она стягивала с распухших ног бурки вместе с носками. – Не спешите заворачивать! Я тоже хочу расцеловать эту сладкую попку!

Справившись с бурками и пальто, бабуля приложила руки к стене, чтобы помочь уставшему телу переместиться в комнату.

– Иду, иду. Ой, как надрывается. Есть, наверное, захотела.

Юля тоже торопилась взглянуть на свою сестрёнку, но вместо смотрин ей пришлось распутывать шнурки на ботинках, которые сама же и затянула в узелок, мысленно устроив с бабушкой соревнования, кто первый разденется.

– А что мы так кричим? – ласково бормотала бабушка, двигаясь к спальне. – Сейчас бабуля на тебя полюбуется, а потом спатеньки.

Она вошла в комнату и сразу заметила сына, который стоял у окна, постукивая костяшками пальцев по подоконнику. На кровати сидела Нина, опустив голову над орущей дочерью, и прикладывала к щекам сложенный вчетверо носовой платок.

– Ну-ну, раскричалась, – ничего не подозревающая Татьяна сделала три тяжёлых шага к кровати и аккуратно присела рядом с внучкой, дрыгающей голыми ножками. – Ты ж моя... сладкая-ая... – её голос вздрогнул, а редкие светлые брови поползли на лоб. – Нин, – свекровь заговорила приглушённым тоном, – а что это с ней, а?

Приподняв голову, Нина опустила руку с платком на кровать, глотнула от волнения, затем погладила плачущую дочь по голенькой груди и вздохнула в голос.

– Я хочу! Дайте мне! – в комнату, как ураган, влетела Юлька, сбрасывая на ходу второй сапожок, который не хотел сниматься с тонкой ножки из-за ненавистных шнурков. Споткнувшись, девчонка упала на палас и ойкнула, ударившись носом о шершавое синтетическое полотно. – Мамочки, – с обидой проговорила Юля, поднимаясь с паласа. – Больно-то как, – заметив, что на её всхлипы никто не обращает должного внимания, она встала, отряхнула задравшуюся юбочку, шмыгнув при этом носом, и подскочила к уже успокаивающейся сестричке. – Ах, какая ты ма-аленькая-а-а, – Юля загордилась тем, что теперь и у неё есть собственная сестрёнка, – ротик малю-у-усенький, – осторожно тронула розовые губки подушечкой указательного пальца. – А щёчки какие, а глазки, а носик, волосики, – она любовалась кукольным личиком, притрагиваясь пальчиком к лицу Надюши.

Надя замолчала после первого прикосновения. Вылупив удивлённые глазёнки на постороннюю девочку, Надюша с интересом слушала, что та ласково лопочет, и постепенно уснула, когда рука Юли опустилась на животик.

– А кто тут у нас такой пухленький? – Юля повторяла фразы, сказанные при ней в квартире одноклассницы Оли, мама которой полгода назад привезла из больницы точно такую же маленькую девочку. – А чьи это глазки? А чей это носик? А где у нас ручки?

Взявшись за левую руку, Юля не сводила счастливого взгляда с родной сестры и интуитивно искала правую.

– И в кого ты у нас... – не найдя маленьких пальчиков, Юля скособочилась, заглядывая в детское одеяло. – Мама, – наморщив лоб, она вытянула губы трубочкой и снова заглянула в складки между одеялом и пелёнками. – А ручка вырастет, правда?

– Правда, – отвернув голову, Нина беззвучно заплакала.

Слушая отвратительный бред, Олег развернулся. Его лицо покрылось испариной, ноздри раздувались, как паруса, а в глазах потух огонёк.

– Что врачи говорят? Почему она такая родилась? – его не то чтобы смущал ребёнок-инвалид – ему стало страшно за будущее этого калеки. Кому нужна жена с одной рукой? Она не сможет нормально приготовить еду, приласкать, обнять... А если вдруг и повезёт пристроиться к какому-нибудь придурку, который окажется с видимым изъёмом, то как же дети? У них могут родиться уроды, которых будет призирать общество. Поёжившись от собственных мерзких мыслей, Олег сунул руки в карманы брюк и решил уйти в кухню. Проходя мимо расстроенной жены, он кинул ей:

– Лучше б ты от неё отказалась.

Вышел из комнаты и закрылся в кухне, чтобы выкурить папиросу в полном одиночестве и подумать о безрукой дочке.

– Сынок! – Татьяна Дмитриевна сидела на кровати и еле сдерживала слёзы от жалости к живому комочку, получившему кару небесную за чьи-то страшные грехи. – Всё хорошо будет!

Не сводя тревожного взгляда со спящей внучки, Таня покачала головой, погладила Юлю по руке и поднялась на ноги.

– Нин, среди твоих грешных не было?

– Что? – Нина повернула голову, не понимая, что имеет ввиду свекровь.

– Может, бабка твоя колдовством занималась, или мать отца из семьи увела? Вариантов море, так что давай, рассказывай, за что Бог Надьку покарал? Ладно хоть не слепая родилась. С таким ребёнком всю жизнь мучиться – это ужас ужасный.

– Не было у нас ни колдунов, ни знахарей, – Нина считала себя виноватой во всём. – Правильно мне доктор говорила, что волнения причинят больше вреда, чем обыкновенная простуда.

– А я тебе говорила, что ты за Юльку так переживаешь? Все дети в детстве болеют, а ты не послушалась. У меня ребята из больничных не вылезали, так я утешала себя тем, что скоро вырастут, окрепнут, и мы забудем, как ночами не спали да у постели до утра сторожили. Да что теперь вспоминать. Вот она, лежит себе и не понимает, что в жизни её ждёт. Ох, Нинка, дети злые, по себе знаю. Одни кличку какую придумают, другие дерутся, а третьи подстёгивают, подстрекальничают значит. Бог с ней, с рукой, как она в школу ходить будет? А работать? Я б на левую согласилась, а без правой трудно ей будет. Очень трудно. Вон, из плечика отросток торчит, лучше бы и его отрезали. Страх-то какой, смотреть не могу.

И свекровь приблизилась к окну, заложив руки назад, как недавно здесь стоял её сын. Нина молчала. Её глаза уже просохли, в душе полегчало, потому что настроила себя на лучшее. Будет Надя счастлива, непременно будет. Нина всё сделает, чтобы девочка не чувствовала себя ненужной. Она будет окружена любовью и заботой, мама оградит её от нападок чужих детей, заткнёт каждого, кто посмеет раскрыть свой грязный рот и обидеть долгожданную дочь, которую Нина выносила вопреки всему. И Олег успокоится. Не сможет же он отвернуться от своего дитя. Ждал сына, а родилась дочка. Нина запомнила его счастливые глаза, когда он вызывал скорую по телефону и запинаясь, выговаривая домашний адрес. Временное помешательство уйдёт, и муж вольётся в привычное русло, заботясь о любимой Наденьке.

Глава 2

Но мечтам Нины не суждено было сбыться. Муж редко подходил к дочери, когда уставшая жена просила присмотреть за ней, потому что сама была занята уборкой, готовкой, стиркой. Он не вставал ночью, когда Надя кричала из-за частых колик, болезненного прорезывания зубов или высокой температуры, не выходил на семейную прогулку, отмахиваясь от настойчивых просьб и утверждая, что у него плохое самочувствие, устал или приболел, не стоял в очереди в молочную кухню, сбежав в гараж Григорича, чтобы залить горе дешёвым пивом. Олег замкнулся в себе и практически не участвовал в воспитании дочерей. Через четыре года он всё-таки набрался смелости и, вынув из шкафа чемодан, начал собирать свои вещи.

– Олежек, ты можешь объяснить, что случилось? – Нина металась между плачущей Надей, упавшей с подоконника, и мужем, спешившим освободить квартиру от своей персоны. – Почему ты нас бросаешь? Зачем ты так с нами? За что?

– Ты не поймёшь, – Олег отвечал грубо, не поднимая глаз. Он аккуратно укладывал свои рубашки на дно чемодана, позже туда отправились и электрическая бритва, которую ему подавали на заводе, когда родилась Надя, и фарфоровый сервиз, полученный на свадьбу, радио, инструменты, а вот пальто и ботинки положить было некуда – чемодан забит под завязку. Достав из антресоли клетчатую сумку огромного размера, Олег скрутил пальто и положил в эту сумку, затем ботинки, норковую шапку и переложил туда инструменты, потому что крышка чемодана не закрывалась из-за лишних вещей.

– Ну так поясни. Зачем же уходить, как трус? – Нина держалась молодцом. Плакать хотелось, но она не желала показывать слёзы перед Надей, которая ушибла спину, когда свалилась на пол и зацепилась о чугунную батарею.

– Нин, давай без драмы, договорились? Устал я. Что ещё ты хочешь знать? Не моё это. Не моё. Каждый подходит и спрашивает, почему у Надьки вместо руки обрубок. В магазине кассирши её жалеют и просят порадовать девочку шоколадкой. Думают, самые хитрые. У меня денег нет, а они жалость тут свою расплёскивают. В автобусе все пялятся...

– Когда в последний раз ходил с ней в магазин и ездил вместе с ней в транспорте? – сердито спросила Нина. – Когда это было? Напомни.

– Всё, я ушёл, – подняв чемодан и сумку, Олег вынес их в прихожую. – На развод подам сам. Только попрошу на алименты не подавать. Я гол как сокол, сама знаешь. Помогать буду по мере возможности, – надев кеды, посмотрел на себя в зеркало, пригладил слегка поседевшие волосы на висках, попросил вместо него попрощаться с детьми и вышел на лестничную площадку. – Прощай, Нин. – И нажал кнопку вызова лифта.

Нина потеряла дар речи. На развод? Значит, всё намного серьёзнее, чем она думала... Подобный случай был с её знакомой, когда муж уходил, но о полном разрыве не было и речи. Юра пожил какое-то время у друга, а потом вернулся, извинившись за своё безрассудное поведение. Но было это в первые годы семейной жизни. Тогда Юра не выдержал бытовухи, бессонных ночей из-за детского плача и постоянного расшатывания нервной системы частыми психами Алёны, которая была не готова к рождению ребёнка. Но молодым на тот момент было всего по двадцать лет. Такую ситуацию можно списать на неопытность, но Олегу же не двадцать. Ему исполнилось тридцать девять – впору остепениться и жить ради семьи и детей.

– Я считала, что ты хочешь пожить отдельно, – выдавила она из себя и заплакала.

Лифт остановился, и Олег поставил внутрь свои пожитки. Прижав ногой дверь, чтобы она не закрылась, он в последний раз взглянул на огорчённую им жену, сжал губы и спрятался в лифте.

– Олег! – закричала Нина, бросившись к мужу, но дверь успела закрыться. Женщина прислонилась лбом к деревянному полотну, приложила ладони и зарыдала в голос, слушая

дребезжание опускающегося подъёмника вниз. – Олежа, – прохрипела Нина, заливаясь горькими слезами и ощущая, как наибольшая часть её души рвётся туда, в шахту лифта, чтобы догнать мужа, обнять и не отпускать от себя ни на метр. Можно и по лестнице догнать его, но ноги вросли в пол, и Нина не могла сдвинуться с места.

– Мама! – Надя выбежала из комнаты и встала на пороге, глядя на убивающуюся мать. – Мама! – она подошла, не торопясь, и обхватила рукой ногу матери.

У Нины перехватило дыхание. В её затуманенной всплеском эмоций голове проявилась картинка, будто Нина смотрит на себя со стороны. Вот стоит она у закрытой шахты лифта, а рядом дочка, которая вцепилась ручкой в платье мамы и прижимается всем телом к ноге, чтобы успокоить любимую мамочку. Нина ощутила стыд за своё поведение. Наклонившись, она всхлипнула и подняла девочку на руки.

– Наденька, солнышко моё, – расцеловала её розовые щёки, – ты моя девочка, любимая. Хорошая. – тело Нины слегка задрожало. Сейчас она не думала о муже, её подсознание полностью переключилось на Наденьку, прильнувшую к груди мамы. – Пойдём домой. Пойдём.

– А папа на работу ушёл? – поинтересовалась девочка, не понимая, что папа оставил её и сбежал.

– Да. На работу, – Нина вошла в квартиру, закрыла дверь и понесла ребёнка в комнату, чтобы Надя посмотрела телевизор. – Когда Юля придёт, мы все вместе пойдём на прогулку.

– И на карусели?

– Обязательно, – включив телевизор, Нина ушла в кухню.

Не успела она предаться унынию, как в квартире раздался телефонный звонок.

– Алло, – Нина всем сердцем верила, что это звонит муж.

– Нин, вы там как? – это была Алёна. – Что там с Надькой? Выздоровела?

– В понедельник идём выписываться.

Ох, не вовремя позвонила Алёна. Разговаривать сейчас ни с кем не хочется. Залезть бы под одеяло и спрятаться ото всех.

– А что с голосом? Надя заразила? – Алёна говорила серьёзным тоном, как будто является не подругой, а матерью Нины. – Надо было сразу, для профилактики, выпить чего-нибудь. Ой, май на дворе, а девчонка ангину подцепила. Слава тебе Господи моя выросла. Как вспомню, так плакать от счастья хочется.

– Алён, ты зачем звонишь? – пора обрывать этот пустой, никому не нужный, разговор.

– Ах да. Позвать прогуляться хотела. Раз уж Надя оклемалась, оставляй её с Олегом, и пошли гулять. Я так устала, что не знаю, куда себя деть. У тебя Олег сегодня с ночи, да? Пусть с Надькой посидит, а мы с тобой развеемся.

– Олега больше нет, – прошептала Нина и положила трубку, чтобы Алёна не услышала её рыданий.

Через двадцать минут Алёна приехала к Нине, чтобы утешить её по поводу кончины мужа. Открыв дверь незваной гостье, Нина и не предполагала, что там стоит её подруга.

– Нинка! Ниночка! – Алёна сразу обняла подругу. – Как же так? Что с ним случилось? На заводе, да? Током убило? Станок перевернулся?

– Извини, я не так сказала, и ты не так поняла, – высвободившись из тесных объятий, Нина завела подругу внутрь и закрыла дверь. – Жив он. Это я не подумавши ляпнула.

– Ну ты и дура, – Алёна побледнела. – Кто ж так шутит?

– Мы разводимся, – бросила Нина, уходя в кухню допивать чай и угостить гостью.

– Да ты что?! – скинув туфли, Алёнка побежала следом. – Почему? Другую нашёл, да? Или из-за денег? Пилила его, да?

– Это твоя прерогатива, – уточнила Нина, зажигая конфорку под чайником. – пилить.

– Тогда в чём же дело? – Алёна села на стул и отодвинула хозяйскую чашку.

– Не знаю. Сказал, что я не пойму. Да он в последнее время какой-то другой стал.

– Какой? Спит отдельно? – Алёна страсть, как любит слушать чужие интимные подробности, чтобы сопоставить с личной жизнью. – Или к стенке отворачивается?

– Я не об этом, – а Нина прекрасно знала Алёнкины пристрастия. – Жил с нами, как сосед. Ни поговорить, ни с детьми пообщаться...

– Так, ясно. Загулял на стороне, – отрезала Алёна, дожидаясь горячего, крепкого чая. – Если ты для него – пустое место, точно, у него кто-то есть.

– Да брось ты, – отмахнулась Нина, наливая чёрную заварку в чашку, – мне кажется, он устал от нас.

– От вас устал, к другой пристал. Мужу что надо? Ласка. Хороший стол, пиво и друзья.

– Всё это у него есть, – вздохнула хозяйка, подавая чай подруге. – Никак не ожидала, что он о разводе заговорит. – и шмыгнула носом.

– Так. Не реветь, – гостя подула на чашку. – Сейчас пойдём гулять. Юлька дома?

– Нет. Ещё не пришла.

– Значит, берём с собой Надю.

– Я ей карусели обещала.

– Карусели, так карусели.

Через час женщины вели Надюшку по парку, где стояли аттракционы и продавали вкусное мороженое с нежной, сахарной ватой. Надя получила от тётки Алёны воздушный шарик красного цвета и леденец на палочке, пока Нина стояла в очереди в кассу, чтобы купить билет на «Ромашку».

– Нин, а это не твой, случайно? – Алёна заметила на скамейке парочку, облизывающую пломбир. – Посмотри, вроде Олег...

Нина обернулась и открыла рот. На скамье, у газетного киоска, сидел Олег, а рядом с ним – белокурая женщина.

– Да, это он, – протянула Нина, выронив монеты на землю.

Олег держал в одной руке мороженое, а в другой – сахарную вату. Молодая женщина читала вслух анекдоты в газете. Олег задорно смеялся, уставившись на блондинку влюблёнными глазами, а из-под её белой кофточки проглядывался приличный животик.

У Нины помутилось сознание. Ухватившись за плечо подруги, она покачнулась и приложила вторую руку ко рту.

– Тебе плохо? – Алёна всматривалась в наполненные слезами глаза. – Тебя тошнит?

– Пойдём отсюда, – неразборчиво прошептала Нина и бросилась к выходу.

– Мама! – Надя побежала следом, нечаянно выпустив нитку воздушного шарика и леденец.

Алёна бросилась останавливать и Нину, и Надю.

– Да ты что! Успокойся! – перегородив дорогу расплакавшейся женщине, она схватила её за руки. – О Надьке подумай! Она-то тут при чём?

– Ничего не хочу, – слёзы текли градом. Нина смотрела сквозь подругу, которая говорила что-то, но слов Нина разобрать не могла. В её голове гудело, скрежетало, а сердце колотилось, как заведённое. – Как он мог? – судорожно повторив несколько раз одну и ту же фразу, Нина уронила разболевшуюся голову на плечо Алёны. – За что он так со мной?

Надя стояла рядом и смотрела на ревущую мать, думая, что чем-то обидела её. Девочка наморщила покрасневший лобик и тоже собралась плакать.

– Надя, не вздумай, – строго сказала тётя Алёна, заметив, что она сейчас последует примеру родительницы. – Просто у мамы животик болит. Сейчас поболит и перестанет, и мы пойдём кататься.

– Ага, – и Надя улыбнулась.

Нину удалось привести в чувства не сразу. Алёна поглаживала её по плечу, просила взять себя в руки, потому что все мужики – сволочи. И если Олег поступил по-скотски, значит,

надо ему отомстить счастливой улыбкой, свежим цветом лица, непринуждённой походкой и ждать, когда та скотина прибежит извиняться. А там уже действовать по ходу событий. Можно заставить встать на колени и молить о пощаде или принять обратно, высосать из него все соки, а позже отправить к любовнице, с которой настрогал ребёнка и не сказал правду.

– Я не буду его звать домой, – не разобравшись, ответила Нина. – Там она... беременная.

– А я про «звать» ничего не говорила, – Алёна взяла подругу за локоток и повела к «Ромашке». – Сам приползёт, вот увидишь. Помнишь, как мой Юрка вернулся после того, как моя мама на него наехала? А вместо твоей мамы я могу наехать.

– Не надо. – Нина жалела будущего малыша, который ни в чём не виноват. – Я не хочу его больше видеть.

– А что с алиментами? Ты же подашь документы?

– И не подумаю, – вытерев нос носовым платком, Нина выбросила его в урну, стоящую рядом с молодой березой. – Там сейчас деньги нужнее.

– Ну ты и глупая. А тебе они не нужны? У тебя Надька скоро в школу пойдёт. Юлька в подростковом возрасте. А ты знаешь, как трудно с подростками? Вот моя Вероника в тринадцать уже курево пробовала...

– Алён, поговорим об этом потом, ладно? Надо билет купить. Надя на карусели покататься хочет.

Возвращаясь к кассе, женщины наткнулись на уходящих из парка Олега и его спутницу. Нина встала, как вкопанная. Олег тоже замедлил шаг, когда увидел прямо перед собой жену.

– Галя? – Нина только сейчас узнала ту, о которой гудит весь район и близлежащие территории. – Так ты... с ней? – она с презрением посмотрела на ошарашенного неожиданной встречей мужа. – Как ты мог, Олег?

– Я же говорил, ты не поймёшь, – бессовестные глаза смотрели на Надю, которая подбежала к отцу и начала трепать его за штанину брюк.

– Папка! Папка, привет! – девочка обняла ногу папы одной рукой и прижалась лбом чуть повыше колена. – Возьми меня на ручки.

– Ты уже большая, – папкина подруга задирала нос кверху и морщила его, бросая пренебрежительный взор на пустой короткий рукав, который выбился из платья и болтается, как сосиска на верёвке.

Нина взяла девочку за руку и отвела от любовной парочки. Алёна сообразила, что нужно сделать. Отводя Надю к кассе, она начала заговаривать ей зубы о мороженом, конфетах и каруселях, выпрашивая, на каких ещё, кроме «Ромашки», ей хочется покататься.

– Какая же ты дрянь! – бросила мужу Нина. – Завёл любовницу при живой жене!

– Я бы попросила, – Галя погладила живот, и расстегнула кофточку, чтобы Нине стало стыдно за оскорбления.

– Ты вёл двойную жизнь! – Нина не обращала внимание на потаскуху, посмевавшую увести чужого мужа и залететь от него. – Ты бросил наших детей!

– Никого я не бросал, – Олег оправдывался и косился на мимо проходящих посетителей парка с маленькими детьми. Ему стало жутко неудобно. Он стоит с беременной дамой, а какая-то сумасшедшая орёт и выясняет отношения.

– Тебе не стыдно? Посмотри мне в глаза! – Нина вскипала. Её голос постепенно брал высокую ноту. – Видел, как Надя тебе обрадовалась, хотя не видела папу всего несколько часов?

– Давай позже поговорим, – Олег и не собирался говорить ни потом, ни через неделю. Его терзала единственная мысль – смыться и поскорее.

– А ты, – Нина перебросила гнев на Орлову, – как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – Галя вновь провела тонкими пальчиками по округлому животу. – Ждём мальчика.

– Да откуда тебе знать, кто у тебя там? Надеюсь, не мальчик и не девочка! – Нина уже не могла контролировать свои чувства. – Это самый настоящий ублюдок, зачатый...

– Заткнись! – Олег схватил жену за руку и сжал с силой. Его покорило от слова «ублюдок». Никто не имеет право так низко обзывать его ещё неродившегося ребёнка. – Это ты мне ублюдка родила, – шипел он, сжимая пальцы на запястье Нины. – Это от тебя ублюдки рождаются. Думаешь, легко мне смотреть на эту уродину безрукую? Да я с вами во двор выйти не мог, потому что каждый тыкает пальцем и перешёптывается. Я в одной комнате с ней находиться не мог, потому что думал, какая же ты эгоистка.

– Я? Я эгоистка? – по щекам Нины потекли слёзы, не от боли, а от жестокой правды.

– Да, ты. – Олег приблизил губы к её уху и ещё жёстче ударил фразой: – ты из родилки её притащила, а меня не спросила, нужен ли мне такой ребёнок. Я четыре года терпел эту... надо было сразу от вас уходить. – сделав два шага назад, Олег приобнял Орлиху за плечи. – Галя мне нормального родит, а ты живи, как знаешь.

И увёл свою возлюбленную, подальше от жены. Нина глотала слёзы, сдерживая себя, чтобы не истерить прилюдно. Этот день она пережила с огромным трудом. Улыбалась дочери, когда та кричала с карусели и призывала посмотреть, как высоко поднялась её кабинка, и Надя как будто видит дом, где они живут, широкую улицу и магазины. Нина делала вид, что слушает рассказы Алёны о её дочери Веронике, которая с горем пополам учится в девятом классе и, кажется, уже собирается выскочить замуж.

– Ой, не знаю, Нин, она такая наглая стала, смотрю на неё и не понимаю, где я её упустила? – Алёна сидела на скамье, в тени старого тополя, и доедала растаявшее мороженое. – Для неё ж старалась. Хочешь юбку, на тебе юбку, туфли – пожалуйста, пальтишко какое – всё ж заграничное. Вчера домой прихожу, а она губы красной помадой накрасила и в таком виде к подружке собралась. Я её в ванную и умыться заставила. Она, знаешь, что мне сказала? Убегу, говорит, из дома, потому что я старомодная и ничего в этой жизни не понимаю.

– Пора домой. Юля, наверное, ждёт. – задумчиво проговорила Нина, уставившись в одну точку.

– А вообще да, – Алёна посмотрела на часы. – У меня завтра генеральная уборка назначена. А ты Нин, тоже чем-нибудь займись. Тебе бы ремонт затеять.

– На ремонт пока денег нет.

– Не капитальный же. Так. Немного освежить.

– Угу. – согласилась Нина, шумно втянув майский воздух через ноздри.

Не обнаружив Юлю дома, Нина принялась за уборку. Она сняла постельное бельё, на котором Олег спал вчера, перерыла всю квартиру в поисках его вещей – на всякий пожарный, чтобы выбросить – перемыла всю посуду, вытряхнула половик из прихожей, вычистила ванну, туалет и приготовила пирог с морковкой.

– У нас праздник? – Юля вернулась от подруги Оли и побежала мыть руки, ощущая ароматный запах свежего пирога. – У меня же день рождения в июне! – крикнула она, торопясь намылить ладони.

– Мы ничего не празднуем. Просто я решила приготовить что-то к чаю! – ответила Нина, накрывая стол.

– Эх, надо было Олю пригласить, – девочка повесила полотенце и пришла в комнату.

– В другой раз пригласишь, – мама налила чай, порезала пирог и расставила блюда. – У тебя когда каникулы начинаются?

– На следующей неделе. – откусив кусок горячей сдобы, Юля потянулась за чашкой. – А мы поедем на море? У нас в классе человек десять на море собираются.

– И Оля?

– Нет, она будет в деревне, у бабушки.

– Деревня – это хорошо. Замечательно. Там всегда свежий воздух, пахнет лугом и...

Нина не успела договорить, как Надя взялась за печёный бочок и обожглась, уронив блюдо на пол.

– А-а-а! – закричала напуганная девочка, замахав рукой.

– Растяпа, – Юля побежала за веником и совком.

– Не обзывай её. Ей и так тяжело, – Нина начала собирать вывалившуюся из пирога начинку. – И вообще, сама бы попробовала работать одной рукой.

– А я пробовала, – прибежав обратно, старшая сестра приготовилась подмести крошки на полу. – И всегда пробую. Это не так и сложно.

– Тебе так кажется. – посадив Надю себе на колени, Нина взяла другой кусок, разломила его вилкой и начала дуть.

– Ты с ней, как с маленькой, а она уже буквы знает, – заревновала Юля, унося мусор.

– Наде всего четыре. И прекрати пререкаться.

– А где папа? – Юля наконец заняла своё место и принялась ужинать. – У него же выходной.

– Папа был в парке, – с удовольствием жуя, сказала Надя.

– В каком?

– Он уехал по делам, – отрезала Нина и прекратила бессмысленные расспросы, включив телевизор.

Спустя два дня Юля узнала, что папа ушёл из дома. Она вышла из школы в плохом настроении, хотя до конца урока оставалось ещё полчаса. Но на физкультуру она так и не пошла. Просидев в пустой раздевалке и осмыслив сказанное Настей из параллельного класса, с отцом которой работает Олег, Юля решила узнать у мамы, правда ли это. На душе скребут кошки, в глазах пелена, девочка двигалась к детской площадке, как привидение. Почему папа их бросил, она не знала. Настя не вдавалась в подробности. Она просто сказала, что их с Надей отец устал жить в семье уродов.

– Сама уродка, – шептала Юля, подходя к качелям. – Гадина.

Присев на качели, Юля бросила на землю портфель и оттолкнулась ногами. Металлические прутья закричали, создавая удушающую обстановку вокруг погружённой в печальные мысли школьницы. Вспомнив, что у двух сестёр в младшем классе нет отца, и как эти сёстры жалуются на скучное проживание с мамой и бабушкой, Юля разрыдалась, представив, какая жизнь ждёт её и Надю. Отвлёкшись на крики детей, бегающих вокруг детского сада, Юля вдруг вспомнила, как папа говорил с кем-то по телефону о Наде. Он был раздражён, ругал маму, которой не было дома, за какую-то там одиноличность (Юля не знала значение этого слова), обижался на бедность и...

– Это он с бабушкой разговаривал, – поняла она, вспоминая тот день. – Это бабушка звонила.

Слезая с жёсткого сидения, девочка подняла портфель и поплелась домой, чтобы поплакать без посторонних. Она вошла в подъезд, постояла немного, прокрутила в своей умной голове несколько событий последних дней, связанных с папой, когда он отгонял от себя Надю, отдыхая на диване. Вспомнила, как он не хотел с ней играть, отправлял в комнату, велел ждать маму, пока старшая сестра делает уроки.

– Уродина... – неслышно пробурчала Юля и подошла к лифту. – Это он из-за Надьки нас бросил.

Юля не собиралась говорить маме о пропущенном уроке физкультуры. Она молча вошла в квартиру и обрадовалась, что ни мамы, ни сестры нет дома. Перекусив вчерашним ужином, состоящим из пустых щей и гречки с запахом мяса, девочка включила телевизор. Через двадцать минут раздался телефонный звонок.

– Юлечка, это бабушка, – Татьяна Дмитриевна была чем-то взволнована. – Позови маму к телефону.

– Её нет, – расстроенная Юля медленно выговаривала слова, потому что в данный момент она не хотела ни с кем говорить, даже с бабулей.

– Что с голосом? Ты не приболела?

– Настроения нет, – выдохнув в трубку, девочка зажмурила глаза, чтобы не расплакаться.

– Отец звонил? – судя по всему, бабушка уже в курсе, что папа не живёт здесь.

– Не звонил и не пришёл, – всхлипнула Юля и закусила нижнюю губу.

– Не переживай. Девочка моя, – и бабушка прослезилась. – Он ещё вернётся. Мужчины с возрастом бывают как дети. Он вернётся, и они с мамой помирятся.

– Наверное, – прошептала Юля, накручивая гибкий телефонный провод на палец.

– Вот увидишь, – добавила бабушка. Предупредила о скором визите и попрощалась, передав тёплый привет маме и Наде.

Слова бабули растрогали школьницу. Она упала на диван лицом вниз и зарыдала. Вечером, как и обещала, Татьяна Дмитриевна приехала навестить внуков, угостить сладеньким, поговорить с невесткой о своём сыне и убедить ждать Олега, пока он не возьмёт себя в руки.

– Вы предлагаете забыть о себе и сидеть у окошка в ожидании предателя? – Нина мыла посуду после ужина. – Он там нагуляется, наплодит ещё ребятишек, а я должна терять своё время?

– У меня ведь тоже так было, – разоткровенничалась свекровь, понимая, Нина не желает сохранять семью. – Ну... погулял, с кем не бывает, а потом пришёл, попросил прощения, я и простила.

– И детей на стороне завёл?

– Не-ет, – испуганно перекрестилась женщина, – не дай бог. Если бы я узнала...

– Выставили бы вон.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Но скорее всего, отправила восвояси.

– А мне вы хотите хомут на шею повесить, чтобы я спала рядом с Олегом и помнила, что у него где-то растёт ребёнок.

– Ну почему же хомут? Я семью вашу спасти пытаюсь, – Дмитриевна сделала жалостливое лицо. – Если же она его оттуда погонит, или он сам к другой потянется, то кто ж его назад примет, если не родная жена?

– Да Вы с ума сошли, – уронив намыленную вилку на тарелки, Нина обернулась. – За сына больше переживаете, чем за детей его, не говоря уже обо мне. И как по-вашему я должна себя чувствовать, когда он придёт, сядет рядом, обнимает... Тьфу! Даже думать противно!

– Не психуй, Ниночка. Не психуй ты ради бога. У молодых часто размолвки случаются.

– У молодых, а нам уже под сорок.

– И что? Вы в самом расцвете сил.

– Вот и пусть Ваш Олег расцветает в чужом саду, а я как-нибудь сама. Не приму я его назад. Ясно? И не уговаривайте.

На самом деле в душе, где-то глубоко, Нина надеялась на скорое возвращение мужа. Поживёт недельку, ну пусть – две, не сможет привыкнуть к новой обстановке и придет просить прощения. Нина повыведывается минут десять, возможно, заплачет и примет любимого. Столько лет прожили, всякое бывало, но только по мелочам. В каждой семье случаются и обиды с оскорблениями, и скандалы с рукоприкладством. Правда, Олег ни разу не позволил себе ударить жену.

Глава 3

В конце мая Юля закончила четвёртый класс. Оценки за четверть выставлены, последний звонок прозвенел. Одноклассницы покидали стены школы с весёлым смехом и радостными возгласами. Только Юле было не до веселья. Сегодня на школьную линейку её никто не провожал, не помог донести букет, не сказал напутственных слов. Никто, кроме классного руководителя и директора. А завтра подруга уезжает в деревню к бабушке, и Юля останется одна, присматривать за младшей сестрёнкой, отношение к которой стали немного чёрствыми.

– Юль! Подожди! – Оля обогнула школьные ворота, торопясь догнать подругу. – Юля-а-а!

Юля не останавливалась. Она сбавила шаг, чтобы Оля её догнала и побыстрее попрощалась. Не стоит, как раньше, стоять посреди улицы и говорить о пустом. Сейчас очень хочется домой и нет желания общаться с кем-то.

– Ты почему ушла? – Оля подбежала к подруге и легонько хлопнула по спине. – Я же просила подождать! – она пыталась отдышаться. – Да стой ты, – развернув к себе Юлю, внимательно посмотрела в её глаза. – Я тебя чем-то обидела??

– Нет, – и Юля, обняв Олю, заплакала.

Подождав, когда одноклассница успокоится, Оля отвела её на детскую площадку, усадила на скамейку и предложила купить мороженое.

– Не хочу, – Юля хлюпала носом, вытирая щёки и подбородок салфеткой, предложенной Олей.

– Меня там мама ждёт. Сейчас она разговаривает с учительницей, а я хотела сказать, моя мама посоветовала поехать с нами в деревню. Тётя Нина тебя отпустит? Если нет, то мама с ней сама поговорит.

– В деревню? – Юля заулыбалась. – На всё лето?

– Конечно. Можно и Надю с собой взять, если она захочет.

– Надю... – Юля заметно погрузнела. – А может, не надо? За ней присматривать надо. Постоянно.

– Ну и что? Будет с нашей Лилей играть в саду. Знаешь, какой у нашей бабушки сад огромный? Ой, там и качели есть, и песочница, пасека, корова, и уже телёнок родился...

Оля так оживлённо рассказывала о деревенской жизни, что Юлю потянуло туда с неимоверной силой. Захотелось побывать на озере, где водится рыба и ракушки, покататься на плоту, попробовать ароматный мёд прямо из пчелиного домика, погладить пушистую Мурку, которая мурчит, как трактор.

– Я очень хочу к твоей бабушке. Я никогда не видела живую корову. Одна моя бабушка живёт здесь, а другая давно умерла.

– Вот и хорошо. Ой! Я имела ввиду, хорошо, что ты согласна поехать, а не то, что твоя бабушка...

– Я уверена, что мама отпустит, – не обратив внимание на последние слова подруги, Юля поцеловала её и побежала домой, сказать маме о приглашении в деревню.

Нина не стала артачиться. Она согласилась на дальнюю поездку с условием, что Юля будет звонить раз в неделю и докладывать, как проходят её каникулы. Надю отпускать Нина побоялась, но после вечернего звонка Натальи Ивановны, мамы Оли, она согласилась отправить младшую дочь на пару недель, но не больше. Материнское сердце не позволяло оставлять неполноценную дочь в чужом краю, даже под пристальным наблюдением. Наступление следующего дня Юля ждала с жгучим нетерпением. Она аккуратно сложила свои вещи и вещи Нади в сумку, приготовила платье, в котором поедет, тщательно почистила зубы и улеглась в кровать пораньше, чтобы побыстрее заснуть. Но в эту ночь никто не спал. Ближе к полуночи Надя почувствовала сильную боль в животе. Её непрерывно рвало, лихорадило, кожа стала бледной,

поднялась высокая температура. Нина несколько раз вызывала скорую, крича в трубку, что её ребёнок умирает, но машин не хватало, и диспетчер просила подождать. Тогда Нина разбудила соседа Павла и попросила отвезти их в больницу. Поездка в деревню сорвалась, и Юля ещё больше разозлилась на сестру.

Сонную Надю перевезли из операционной в общую палату. Дочка выглядела, как живой труп: кожа бледная, губы синие. Доктор переложил ребёнка на кровать и попросил смочить губы девочке, когда та придёт в себя. Нина поправила одеяло и вся в слезах побежала к врачу, который делал операцию.

– Не волнуйтесь. Всё позади. Аппендицит – дело такое. Шов будет аккуратный, маленький. Мы работаем по новой технологии: не зашиваем, а заклеиваем.

– Спасибо, – Нина вытерла лицо ладонями, ещё раз поблагодарила и быстрым шагом отправилась к дочери.

В палате было тихо. Дети спали рядом с мамами, бормоча во сне, крутились, натягивая одеяла на себя, а кто-то всхлипывал и звал папу.

– Только положили? – молодая женщина села, кряхтя, и протёрла глаза. – А нас вчера привезли. – Что у вас, кишечник?

– Аппендицит.

– А-а, операцию, значит, делать будут.

– Уже сделали, – Нина смотрела на дочь и тихо роняла слёзы, боясь за её здоровье.

– А наш траванулся чем-то. Я поначалу на сад грешила, но там никто не блевал, кроме нашего, – погладив мальчика по плечу, женщина решила познакомиться. – Меня Аней зовут, а тебя?

– Нина.

– У тебя девочка?

– Да. Надя.

– Красивое имя. Счастливое, – с уверенностью произнесла женщина, осторожно поднимаясь с постели, чтобы не разбудить сына. – Все Надьки, которых я знаю, счастливые. Значит, и твоя будет счастлива.

– Дай бог.

– А вот имя Глеб счастья никому не принесёт, – она подошла к раковине и ополоснула лицо.

– Почему? – удивлённо спросила Нина.

– Мой дед был Глебом. Умер после отравления. Его дядька Глеб, убило током, а двоюродного брата деда порвал кабан. Он охотником был, случайно попал во время брачных игр не на ту поляну.

– Поляну?

– В лесу поляна, понимаешь?

Нина кивнула.

– А зачем же ты сына Глебом назвала?

– Не я, свекровь настояла. Вычитала где-то, что имя означает – любовь богов. Она у нас с чудинкой, но я спорить не стала. Всё-таки не в лесу живём, да и за сыном я приглядываю тщательно. В розетки пальцы не суёт, а вот, чем траванулся... – и Аня задумалась. – Наверное, молочкой или... Ладно, уже лежим тут, значит, всё в порядке.

– Девчонки, – с дальнего угла палаты донёсся недовольный голос, – дайте поспать. Дома орава не даёт глаз сомкнуть, теперь вы.

– Извините, – Нина разделась и нырнула под одеяло.

Хоть и короткие кровати в детской клинике, но вместе с ребёнком поместиться можно. Услышав скрип пружин матраса на соседней койке, Нина обняла Надю и закрыла глаза.

Утром, во время обхода, Нина познакомилась с остальными мамами, рассмотрела их детишек и стала ждать пробуждение дочери. Страшно было думать, как они поведут себя, когда увидят Надю во весь рост. Но благовоспитанные женщины со своими шумными отпрысками не заиклились на увиденном. Скорее всего, глубоко в душе, они сочувствовали и Наде, и Нине, но вида не показывали.

– А куда ты её спрятала? – Глеб, как только познакомился с Надей, сразу позвал её на свою кровать, рисовать человечков. В его тумбочке лежала коробка с цветными карандашами и тетрадка в клетку.

Надя после пробуждения кое-как поднялась с постели, придерживая рукой место на животе, которое болело и пощипывало. Мама её предупредила, бегать и прыгать нельзя, надо передвигаться медленно, чтобы не чувствовать боль.

– А где она у тебя? – пятилетний Глеб с интересом заглядывал в пустой рукав и искал правую руку. – А? Потеряла?

– Не знаю, – Надя пожимала плечами и продолжала выводить левой рукой жёлтое солнце в верхнем углу тетради.

– Не так надо, а вот так, – наконец Глеб отстал от рукава и выхватил карандаш у Нади. – Смотри, круг, а не яйцо.

Нина, наблюдая за детьми, невольно хихикнула.

– Это его свекровь рисовать учит. Она у нас художница. – Аня читала книгу, сидя на краю кровати. – Где круг – там яйцо, а где ромашка – там яичница.

Палата наполнилась громким женским смехом. Мамы, наслушавшись рассказов Ани о своей свекрови, начали наперебой излагать смешные истории, связанные с мамами их мужей. У каждой, оказывается, муж заботливый, свекровь понимающая, а вот самой Нине похвастаться нечем. Она молча слушала и радовалась за чужие семьи, а её ранимое сердце кричало и обливалось слезами. Нет у Нины семьи, есть мать-одиночка, цепляющаяся за эту жизнь, чтобы поднять детей. Если бы не они, то Нина не стала жить только для себя.

Десять дней, проведённых в больничной палате, открыли глаза на многое. Например, что люди, пусть это только женщины, не пускаются в злые осуждения и не дают уговорами оставить ребёнка в детском доме, чтобы не портить свою личную жизнь. Не забрасывают жалостью из-за таких, как Надя, и не пеняют на ещё молодую внешность, мол, это ж надо, как не повезло. Нина обрела настоящих подруг, уверенность в завтрашнем дне, напилась энергией и захотела жить дальше. Теперь уже не ради детей, а ради себя самой. Женщины научили её ценить себя, потому что если мать несчастлива, то и дети будут несчастными.

Перед выпиской Аня и Нина договорились встретиться через неделю, чтобы поддерживать дружеские отношения, ещё через два месяца Аня пригласила Нину и её детей на день рождения Глеба. В назначенный день Нина приехала вместе с Надей, а Юлия отказалась посещать праздник неизвестного ей мальчика. Входя в квартиру, Нина услышала детские голоса и сразу смутилась. Она не думала, что здесь будут ещё дети. Глеб уже знаком с Надей и знает о её недостатке, но как отреагируют другие? В комнате, украшенной воздушными шарами и разноцветной растяжкой «С днем рождения» стоял большой стол с детскими блюдами и сладостями. Вокруг стола сидели дети от трёх до шести лет, которые с нетерпением ждали, когда же можно будет полакомиться тортом с шоколадным кремом.

– Надя, проходи, садись вот сюда, – Аня показала на свободное место. – А мы с мамой поболтаем на кухне.

Надя села рядом с Глебом и с любопытством посмотрела на детишек.

– Глеб! Познакомь девочку с гостями! – крикнула Аня и прикрыла дверь кухни.

Пока мамы пили чай и беседовали о тяжёлых временах, рассуждая на тему «где денег взять», в комнате раздался звон разбитой посуды. Нина моментально ринулась посмотреть, что

там произошло. Следом побежала и Аня. Дети сидели смирно, обмениваясь напуганными взглядами.

– Что случилось? – Нина встала в дверном проёме и поискала глазами дочь.

Надя стояла у стола, а по её руке текла тонкая струйка крови.

– Это Глеб виноват! – вдруг выкрикнула девочка с косичками и красным бантом на боку, показав пальцем на нахмурившегося именинника.

– Да-да, Глеб, – повторили дети в один голос.

Глаза Нины наполнились яростью. Она была готова растерзать безмозглого мальчишку, обидевшего её беззащитную девочку.

Аня отодвинула Нину и вошла в комнату, поставив руки на бока.

– Глеб, объяснись, – строго сказала она, нахмутив чёрные брови.

– Мапочка, я хотел помочь налить компотик, а Надя сказала, что сама может. И я не знаю, как это получилось. Я поднял графин, и Надя тоже взялась за ручку... Мы его уронили. Он разбился об стол.

– Ты хотел помочь? – у Нины вытянулось лицо. – Какой ты молодец!

С души камень упал. Пока Нина торопилась к детям, она уже успела надумать себе всякое, а когда дети сказали, что Глеб виноват, тут уже мысли пустились в изощрённый танец, и Нина решила, что Глеб полоснул руку Нади чем-то острым. Надя стояла молча. Она поглядывала на окровавленное запястье и сжимала челюсти от пощипывающей боли.

Конфликт разрешился сам собой. Осколки были убраны, рука заклеена пластырем. Анна убрала бьющиеся предметы со стола и отругала свою непредусмотрительность.

– Додумалась же поставить стекло на стол, – выбрасывая разбитый графин в мусорное ведро, хозяйка злилась. – Надо было разлить по стаканам, но я же «умная» мамаша, понадеялась на «взрослых» детей.

– Перестань. Ничего страшного не произошло, – Нина сидела у окна и успокаивала Аню. – Какой у тебя мальчик обходительный, – восхитилась Глебом, – я ещё в больнице заметила, помогает, объясняет, учит.

– Он постоянно говорит о Наде, как о родной, – Аня закрыла дверцу и убрала совок в туалетную комнату. – Мне пришлось долго прояснять ситуацию с рукой, – слегка покраснев, Аня присела на стул и взялась за кружку с уже остывшим чаем обеими руками. – Я сказала ему, что дети рождаются разными. Бывает и уха не хватает, и ноги. Он, конечно, удивляется, но с Надей... В общем, убедила его в том, что Наденька у нас волшебная.

– Волшебная, – тихо произнесла Нина, уставившись в одну точку.

– Да. Мне трудно говорить о различных недостатках.

И тут Нина отвлеклась, подняв на Аню сердитый взгляд.

– Я не знаю, как преподнести информацию, чтобы ребёнок понял.

– Никак. Всё равно, когда он вырастет, будет смотреть по-другому на таких, как моя Надюша.

– Неправда. Не будет. Надо с детства вкладывать в голову, что все мы одинаковые.

– Все да не все. Я тогда промолчала... Порадовалась за всех вас, а сама чуть не взвыла. Меня муж бросил из-за Нади...

– Не может быть, – Аня обомлела от услышанного.

– Как видишь, может. Сказал, что четыре года терпел... Стыдно ему, видите ли. А сам, сам...

И Нина зарыдала, приложив ладони к лицу. Аня обхватила её за плечи и прижала к себе.

– Ниночка, бог с ним. Его судьба накажет, вот увидишь, накажет. Да чтобы у него руки отсохли, дрянь такая, от собственного ребёнка отказался, – проклинала Олега Аня. – И как ты с ним жила всё это время? А к старшей дочери, он как относился?

– Нормально, – Нина выпрямилась и перестала рыдать. – Ты знаешь, как будто меня бог наказал. Свекровь и первого ребёнка быстро не ждала, а тут второй да с таким изъязном. Второго Олег не хотел, отговаривал. Внушал, что нам рано, жить не на что, а я всем сердцем чувствовала, Надя должна родиться. Я такая счастливая ходила, хотя и тяжело мне далась эта беременность.

– Знаю одну женщину, у которой сын с заячьей губой родился. Ничего, зашили, вырос красавцем.

– Губа – не рука, – выдохнула Нина. – Новую не пришьёшь.

– Конечно, легко говорить, когда у самой ребёнок целый, но я уверена на сто, нет, на двести пятьдесят процентов, Надя будет счастлива, вот увидишь.

С этого дня Нина и Аня стали лучшими подругами. Каждые выходные они встречались либо у кого-то в квартире, либо в парке. Нина познакомилась с мужем Ани – Андреем и свекровью – Аллой Михайловной. Андрей недавно открыл небольшой бизнес по продаже электроники. Магнитофоны и плееры, радиоприёмники, пиратские кассеты – вся новомодная атрибутика, которая пользовалась ошеломляющим успехом в основном у молодёжи, продавалась не только на рынке, но и заказывалась через третьи лица на периферию. В сентябре, когда Нина отмечала свой день рождения и пригласила новых друзей на праздник, Андрей и Аня подарили ей видеомагнитофон в знак уважения и вечной дружбы. Больше всех дорогому подарку радовалась Юля, завидовавшая одноклассникам, рассказывающим о мультиках, которые они могут смотреть в любое время, не дожидаясь трансляции по телевизору. Теперь и Юля может смотреть любимые мультфильмы не только в назначенный диктором час, а вставить в магнитофон кассету и наслаждаться нарисованными героями. Пригласив домой подругу, Юля долго рассказывала о дяде Андрее, мешая смотреть телевизор, на экране которого два весёлых бурундука убегали от злодейской шайки разношёрстных зверей, хвалилась упаковкой жвачек, наклейками, иностранными конфетами, притворно хихикала и нелестно отзывалась о Кате и Лене, которым мамы обещали целый мешок шоколада, если они закончат пятый класс на одни пятёрки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.